

На правах рукописи

Маругина Надежда Ивановна

**Метафора в процессах текстопорождения (на материале повести
М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск 2005

Работа выполнена на кафедре общего славяно-русского
языкознания и классической филологии Томского государственного
университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Зоя Ивановна Резанова

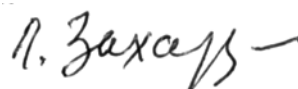
Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Наталья Борисовна Лебедева
кандидат филологических наук,
доцент Наталья Александровна Мишанкина

Ведущая организация: Алтайский государственный университет

Защита состоится «21» декабря 2005 г. в «__» часов на заседании
диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук при Томском государственном
университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский
государственный университет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Томского государственного университета.

Автореферат разослан «18» ноября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор Л.А. Захарова

Настоящее диссертационное исследование посвящено описанию функционирования концептуальной метафоры как особой когнитивной универсалии, служащей целям текстопорождения и текстомоделирования.

Актуальность исследования обусловлена обращением современной лингвистики к ведущим парадигмам, прагматической и когнитивной. Основным базовым принципом, объединяющим данные лингвистические направления, является человек, его предметно-практическая деятельность, обеспечивающая его мировосприятие, познание и понимание процессов, которые происходят во внешнем и внутреннем для него мире. В центре внимания прагматики находится вопрос о взаимодействии человека (субъекта) и текста. Всякий текст служит для передачи некоторого мыслительного содержания или знания. К числу основных проблем изучения текста относят идею его конструирования при помощи базовых языковых единиц, детерминирующих его самодвижение и саморазвитие.

В конце XX века лингвистика наряду с другими науками обратилась к проблеме аккумулирования, хранения и использования знаний человеком. Знания, поступающие к человеку по различным каналам, хранятся в мозгу человека и репрезентируются при помощи определенных семиотических структур. Языку в процессах представления знаний отводится первостепенная роль. Развитие когнитивной лингвистики в конце XX века открывает новые возможности и перспективы изучения базовых единиц языка. Свой вклад в ее становление и развитие внесли Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Брунер, А. Вежбицка, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Дж. Миллер, М. Минский, Ч. Филлмор, Э. Рош, Р. Шенк, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, В.В. Петров, Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, Р.Ф. Фрумкина, Е.В. Рахилина и др.

В рамках когнитивной лингвистики **метафора** трактуется функционально, как основной **механизм** представления основ мышления и познания человеком мира и самого себя. Будучи базовой репрезентативной моделью языка, метафора призвана осуществлять познавательную функцию. На основании выполняемой метафорой познавательной функции различают базовые (ключевые) и второстепенные (побочные) метафоры [Лакофф Дж., Джонсон М.]. Базовые метафоры – это механизмы познания, которые используются, прежде всего, для того, чтобы увеличить объем знаний относительно слабо понимаемой области. Базовая метафора способна порождать аналогии, ведущие в свою очередь к образованию огромного набора фреймов, планов, сценариев, при помощи которых формируется «когнитивная карта», что и помогает человеку реагировать на получаемую информацию и выстраивать новые смыслы.

Метафора в аспекте ее текстопорождающих возможностей составляет актуальный и перспективный объект исследования в рамках когнитивного направления современной лингвистики. В этом смысле художественный текст представляет собой функциональную реализацию смысловых потенциалов, лежащих в основе базовой единицы языка. С помощью функциональной реализации базовых языковых единиц в тексте проявляется специфика мышления его создателя.

Актуальность исследования также определяется повышенным интересом к творчеству М. А. Булгакова среди отечественных и зарубежных исследователей, критиков и читателей. Повесть Михаила Афанасьевича Булгакова «Собачье сердце», до сих пор еще не подвергавшаяся тщательному лингвистическому анализу, может быть рассмотрена в аспекте представления автором повести знания о мире, в том числе и через реализацию базовой языковой метафоры, ее смысловых потенций в текстовом пространстве.

В эпоху открытости российского общества, двуязычных контактов, взаимообогащения культур и народов появляется возможность свободного обмена идеями и результатами исследовательской работы как по вопросам, связанным с жизнью и творчеством самого писателя, так и по вопросам переводов его произведений на различные языки мира. Перевод является еще одной формой существования художественного произведения. Настоятельная необходимость изучения ключевых текстовых единиц в переводе диктуется временем. С позиций когнитивной теории базовые единицы языка, в том числе и метафора, способствуют не только выстраиванию художественного произведения, но и дают предпосылки для подтверждения текстопорождающих возможностей метафоры при осуществлении акта межкультурной коммуникации.

Объектом исследования является текст художественного произведения М.А. Булгакова «Собачье сердце» (на русском языке) и два его перевода на английский язык, выполненных Майклом Гленни (Michael Glenny) и Аврил Пайман (Avril Pyman).

Предметом исследования является метафорический фонд художественного произведения М.А. Булгакова «Собачье сердце», в том числе метафорические единицы, созданные под воздействием ключевой текстовой метафоры «собачье сердце» в исходном тексте, и варианты их переводов в языке – реципиенте.

В выдвигаемой научной гипотезе диссертационного исследования утверждается то, что концептуальная метафора, реализующая свои потенции в художественном тексте, мотивирует создание ключевой текстовой метафоры, которая является основой процесса текстопорождения и предопределяет выбор стратегий перевода, во многом формируемых ее деятельностным аспектом.

Целью работы является исследование особенностей функционирования и развертывания базовой концептуальной метафоры в художественном произведении.

Цель исследования и выдвинутая гипотеза обусловили необходимость решения следующих задач:

- Выявить содержание концепта «собака», его образного осмысления как элемента когнитивной основы формирования этнокультурной метафоры «человек – это собака».
- Охарактеризовать семантическое содержание ключевой текстовой метафоры «собачье сердце», ее связь с этнокультурной метафорой «человек – это собака», концептуальной метафорой «человек – это животное/зверь».

- Обозначить роль этнокультурной метафоры «человек – это собака», концептуальной метафоры «человек – это животное/зверь» и ключевой текстовой метафоры «собачье сердце» в процессе текстопорождения.
- Выявить особенности функционирования ключевой текстовой метафоры – посредника базовой языковой метафоры – при осуществлении процесса текстопорождения.
- Обозначить типы связей метафорических единиц с компонентами концептуального метафорического и субтекстового фрейма.
- Выявить стратегии и приемы перевода метафорических единиц, являющихся смысловой проекцией ключевой текстовой метафоры «собачье сердце».

На защиту выносятся следующие основные положения

1. Функциональное развертывание концептуальной метафоры повести «Собачье сердце» задается семантической программой концептуальной метафоры «человек – это животное/зверь». Характер преломления концептуальной метафоры в этнокультурную определяется образным строем концепта «собака».
2. Одной из доминант текстообразования повести «Собачье сердце» является ключевая текстовая метафора – посредник концептуальной метафоры «человек – это зверь» и этнокультурной метафоры «человек – это собака», заложенная автором повести в заглавие произведения.
3. Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» является индивидуальным текстовым явлением, задаваемым проекцией смыслов концептов «собака» и «сердце». Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» организует движение метафорических единиц в текстовом пространстве повести и формирует метафорический сдвиг значительной части произведения.
4. Метафорические единицы в тексте повести формируются во фреймовую структуру, в которой все компоненты связаны «ассоциативной паутиной», связывающей концептуальную языковую модель «человек – это животное/зверь» и этнокультурную метафорическую модель «человек – это собака».
5. Ключевая текстовая метафора «собачье сердце», помещенная в заглавие произведения, является функциональной текстовой доминантой, которая не только способствует выстраиванию смысла текста, но и предопределяет выбор стратегий перевода, во многом определяемых деятельностным аспектом ключевой текстовой метафоры.

Научная новизна исследования диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Впервые художественный текст интерпретируется с учетом результатов действия ключевой текстовой метафоры, которая является фрагментарной реализацией базовой языковой метафоры. В работе выявляется модель того, как, основываясь на базовом языковом опыте, ключевая текстовая метафора воплощает индивидуально-авторское видение мира, является воплощением идейного авторского замысла.

2. В работе впервые доказывается мысль о том, что при «включении в работу» в художественном произведении, ключевая текстовая метафора способна организовывать смыслы на уровне контекстов, что позволяет ей, следуя принципу фрейма, быть доминантой, влиять на весь контекст произведения через посредство метафорических единиц, организованных под ее началом как исходным, текстообразующим, базовым элементом.

3. Впервые анализируются и сравниваются два варианта перевода повести М.А. Булгакова на английский язык. Выявляются стратегии перевода метафорических единиц художественного текста, предполагающие учет позиции соавторства интерпретатора и автора текста в акте межкультурной коммуникации для верификации функциональной стороны текстовой доминанты.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении специфики реализации семантической программы концептуальной метафоры в пространстве художественного текста. Результаты анализа процесса порождения текста, изучение влияния индивидуально-авторского видения при создании художественного текста, а также выявление особенностей разных подходов и стратегий при интерпретации художественного произведения в процессе перевода определяют вклад данного исследования в развитие современной когнитивной лингвистики, функциональных теорий текста, психолингвистики.

Практическая значимость исследования:

Анализ и выводы данного диссертационного исследования могут быть применены при разработке теоретических курсов по стилистике художественного текста, метафорологии, когнитологии, теории художественного текста, а также спецкурсов по теории и практике перевода художественных текстов, сопоставительной лингвистике.

Методы и приемы исследования определяется целью и объектом исследования. Теоретической основой исследования стали два научных направления: теория концептуальной метафоры [Дж. Лакофф, М. Джонсон] и теоретическая концепция процесса текстопорождения, разработанная в рамках динамического подхода к тексту [Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн]. Основным методом исследования метафорических номинаций, участвующих в акте текстопорождения стал метод научного описания, реализованный в приемах компонентного анализа, направленного на выделение дифференциальных семантических признаков исходного и результирующего значений метафорических единиц. В работе используются приемы концептуального когнитивного анализа, ориентированного на выявление когнитивных структур, участвующих в процессах порождения текста, контекстологического анализа, предполагающего учет и описание коммуникативных параметров текстовой доминанты и реализации ее потенциальных смыслов в тексте как определенном способе коммуникации автора с читателем. При описании фразеологических единиц, включающих ключевое слово культуры, используется прием концептуального (когнитивного) анализа, ориентированный на выявление структуры концепта. Кроме того, был проведен анализ материала с точки зрения лингвокультурологического подхода, при котором концепт рассматривается не

только как «квант» знания, но как факт культуры носителей определенного языкового пространства. В работе также используются приемы сопоставительного анализа, пословного перевода метафорических единиц русского и английского языков, предполагающие выявление «концептуального сдвига» между текстом оригинала и перевода.

Материал и источники исследования

В качестве основного материала исследования послужил художественный текст повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и два его перевода на английский язык, выполненных Майклом Гленни (Michael Glenny) и Аврил Пайман (Avril Pyman). Проанализированы 219 метафорических контекстов (Булгаков), 657 с переводами, 170 устойчивых слов и выражений, пословиц и поговорок русского языка, около 80 английских устойчивых фраз и пословиц с ключевым словом собака.

Описание метафорических значений было осуществлено на основе материала, извлеченного из следующих источников: «Словарь современного русского языка»/ под ред. Евгеньевой; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Т.1-4.М., 1980; «Фразеологический словарь русского языка»/ под ред. А.И. Молоткова. М., 1978; В.И. Даль «Пословицы и поговорки русского народа». М., 1987; А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи». М., 1997; Бенсон М. «Комбинаторный словарь английского языка». Амстердам, 1990; «Большой англо – русский словарь» / под ред. И.Р. Гальперина. М., 1979; «Longman Dictionary of Contemporary English», 1995.

Апробация работы

Основные положения, полученные в ходе исследования, излагались в виде докладов и сообщений на научно-практической конференции аспирантов и студентов филологического факультета (Томск, ТГУ, апрель 2002); на международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию юбилею кафедры русского языка и литературы «Прикладная филология. Язык. Коммуникация» (Томск, ТПУ, 26 ноября 2002); на II-ой межвузовской научно-практической конференции «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, ТПУ, 29 мая 2002); на IV Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (Томск, ТГУ, 11-12 апреля 2003) на 16-ой Международной научной конференции «Язык и культура в Евразийском пространстве» (Томск, ТГУ, 16-20 апреля 2003 года); на Всероссийской конференции «Филология и философия в современном культурном пространстве» (Томск, ТГУ, 2003); на Всероссийской конференции «Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности» (Новосибирск, 2004); на V Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (Томск, ТГУ, 26-27 марта 2004); на XVII международной научной конференции «Язык и Культура», посвященной 400-летию Томска (Томск, ТГУ, 19-20 апреля 2004); на Всероссийской научной конференции «Американские идеи в исследованиях ученых Сибири» (Томск, ТГУ, 2004); на VI Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики,

литературоведения и журналистики» (Томск, ТГУ, 22-23 апреля 2005) и отражены в 7 публикациях.

Структура работы Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении определяется цель работы, выделяются объект и предмет исследования, обосновывается актуальность избранной темы, определяются задачи и методы исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Концептуальная метафора в аспекте ее текстомоделирующих возможностей» рассматривается ряд теоретических вопросов, входящих в проблемное поле когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находится изучение человеческого разума, способов хранения и репрезентации накопленных человеком знаний, ментальных структур человеческого мозга, ментального тезауруса человека, концептуальной метафоры. Основой теоретического корпуса данного исследования стали работы Дж. Беркли, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Дж. Фоконье, А. Ченки, М. Минского, Ч. Филлмора, Т. А. ван Дейка, В.В. Петрова, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, В.Б. Касевича, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, А.П. Чудинова, З.И. Резановой и других исследователей.

В первом разделе настоящей главы рассматриваются вопросы, связанные с языком как средством аккумуляции, хранения, переработки и репрезентации знаний. Языку, как единому организму, приписывается роль неотъемлемой составляющей инфраструктуры мозга человека. Участие языка в предметно-практической деятельности человека позволяет констатировать не только факты наличия огромного когнитивного опыта индивида, но и определить его поведение и индивидуально-культурный опыт как носителя данного языка.

Во втором разделе первой главы рассматриваются позиции ученых, касающиеся понятия «ментальный лексикон», который включает в себя упорядоченную совокупность всех знаний человека о словах, их значениях и взаимосвязях. Обусловленная предметно-практической деятельностью человека, его интеллектуальная система существует в виде накопленных баз знаний, которые хранятся в памяти. В свою очередь, база знаний моделирует «ментальный лексикон» человека. Вся совокупность знаний человека и его опыт могут быть представлены в виде фреймов. Под фреймом в работе понимается ментальная структура, с помощью которой предоставляются знания о стереотипной ситуации [Филлмор Ч.]. Фрейм выполняет две функции: с одной стороны, он упорядочивает определенный объем лексической системы, знания, которые существуют в отдельно взятом языке, а с другой, ситуационно репрезентирует данные знания. Различают концептуальные фреймы, которые организованы вокруг некоторого концепта, и сценарные, соотносимые с ситуацией общения.

В третьем разделе данной главы метафора рассматривается как объект исследования в психологическом, семантическом и когнитивном направлениях. Актуальность психологического подхода поддерживается вниманием

исследователей к анализу процесса интерпретации (понимания) метафоры и создания процессуальных психологических моделей ее расшифровки. В рамках семантического подхода метафора рассматривается и описывается с точки зрения значения, посредством которого она реализуется. Одним из постулатов когнитивной науки является то, что образные средства языка рассматриваются в качестве важного источника сведений об организации человеческого мышления.

Исследователи-когнитивисты установили, что единицами, пронизывающими весь человеческий язык и репрезентирующими наше сознание, являются метафоры. Именно в метафорах усматривают наиболее емкую форму хранения накопленного опыта и знаний. Представители когнитивного подхода исследования метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на человеческую способность воспринимать, понимать и категоризировать все то, что существует в реальном окружающем нас мире. На восприятие мира человеком значительное влияние оказывает встроенный в сознание концептуальный каркас, включающий как невербальные, так и вербализованные базовые концептуальные метафорические модели. Концептуальные метафоры участвуют не только в категоризации и субкатегоризации понятий, но и обеспечивают аккумуляцию знаний, как отдельного человека, так и сообщества людей. Главный принцип такой категоризации сводится к тому, что в процессе познания сложные, непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми и конкретными наблюдениями.

В работе под базовой концептуальной метафорой понимается некая универсалия человеческого сознания и культуры носителей языка, которая обладает частотностью в языковом применении. В языке концептуальная метафора представлена совокупностью единиц – лексем, свободных словосочетаний, фразеологизмов, построенных как реализация ее семантической программы. Концептуальные модели не существуют изолированно в пространстве языка и мышления, но постоянно включаются в практическую и творческую деятельность людей. С помощью концептуальных метафорических моделей креативное сознание творца способно обнаружить некую общность, слиянность заведомо разнородных объектов, помещенных в данную концептуальную модель.

Процесс общения и обмена знаниями в обществе предполагает объективацию знаний в форме знаков и текстов на естественном языке. Текст является собой упорядоченную форму коммуникации, которая лишена спонтанности представления информации автором художественного произведения. Обеспечивая выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора, любой текст представляет результат мыслительных операций, репрезентирующих опыт человека. Знания, которые оформляются в текст, заполняют слоты, или терминалы некоторого фрейма. Фреймы хранят знания в обобщенной форме, а обобщение, в свою очередь, обеспечивает понимание текста читателем.

Словесная ткань художественного текста оказывает воздействие на чувства читателя и возбуждает реакцию эстетического порядка. Реализация эстетической функции во многом определяется образным фондом языка. В художественном тексте

образные средства могут составлять ядро его ткани, другие же составные элементы принадлежат к периферии, на фоне которой он подготавливается и моделируется.

В следующем разделе первой главы представлено описание концептуальной метафоры языка и спектр ее моделирующих возможностей в различных типах дискурсов с позиций когнитивного подхода современной лингвистики. В работе рассматриваются подходы к исследованию функционирования концептуальной метафорической модели «человек – это животное/зверь» [Чудинов А.П., Резанова З.И.].

Метафорическая модель «человек – это животное/зверь» отмечена регулярностью в языковом применении в русской культуре. В центре аспектуализации подобной метафоры прослеживается тенденция противопоставить животное человеку. Наиболее ярко данное противопоставление может проявляться в оценочной (образной метафоре). Семантический признак «животного начала» высвечивается в номинациях неодушевленных предметов, действий, внешних и внутренних характеристик людей.

Во второй главе «Ключевая текстовая метафора – функциональная доминанта повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»» рассматриваются понятия языковой картины мира, этнокультурной метафоры, концепта. Основу теоретической части данной главы составляют работы В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Э. Бенвениста, М. Хайдеггера, А.А. Потебни, Ю.Д. Апресяна, А.Д. Шмелева, Н.Д. Арутюновой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Г. А. Брутяна, С.Г. Воркачева, А. Вежбицкой, А. Зализняк, Е.В. Рахилиной и других исследователей.

В первом разделе второй главы рассматривается понятие языковой картины мира в современных исследованиях, в которых ученые апеллируют к нескольким факторам ее создания. Прежде всего, делается акцент на двойственном характере языкового способа концептуализации действительности: с одной стороны, он универсален для всех языков, с другой стороны, национально окрашен.

Другой аспект рассмотрения картины мира связан с ее воздействием на когнитивную и практическую деятельность носителей языка. При характеристике данного аспекта особое место отводится когнитивной лингвистике, для которой характерен подход к мышлению человека как к механизму обработки знаний. В механизмах обработки знаний базовым принципом является метафора, которая рассматривается как наиболее продуктивный способ организации и представления языковой картины мира.

Первый раздел второй главы посвящен также описанию концептуальной метафоры «человек – это животное/зверь» и ее варианта «человек – это собака». Концептуальная метафора «человек – это собака» понимается в работе как метафора, обладающая этнокультурной спецификой и репрезентирующая «стандартные сценарии», орудия менталитета русского культурного пространства. В данном случае в качестве сферы-источника метафорического переноса выступает концепт «собака», находящийся в родовидовых отношениях с концептом «животное». В связи с этим утверждается, что в целом структура концептов «животное» и «собака» совпадают, различаясь содержательным наполнением соответствующих слотов. Слоты фрейма концепта «собака» включают значительный объем образных оценочных,

символических компонентов, о чем свидетельствуют: 1) типовые контексты употребления слова *собака*; 2) состав метафорических модификаций исходного номинативного значения лексемы *собака*; 3) состав фразеологических метафорических единиц, включающих слово *собака*; 4) состав пословичных контекстов слова *собака*.

Во втором разделе данной главы описывается содержание концепта «собака», определяются границы концептуального фрейма «собака», который включает следующие слоты: 1) внешний вид, части тела собаки, 2) места обитания собаки, 3) агрессивные и неагрессивные действия собаки, 4) движения, осуществляемые собакой, 5) состояния, испытываемые собакой, 6) образ жизни животного, 7) группы, скопления собак. Рассматривается состав образных, символьных компонентов концепта «собака», который определяется анализом мифологических интерпретаций образа собаки, а также анализом собственно языковых образных переосмыслений. Описываются смысловые доминанты концепта «собака», отраженные во фразеологическом фонде картины мира русского народа. При анализе пословиц и устойчивых сочетаний, в состав которых входит ключевое слово *собака*, представленные во фреймовой структуре концепта «собака», выделяются следующие символические признаки, положенные в основу метафорического переноса и составляющие ассоциативное поле данного концепта; собака – символ

- нечистоты, безверия, бездуховности;
- неустроенной жизни, нищенского существования, низкого положения
- свободной, беззаботной, разгульной жизни;
- тоски;
- послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий;
- жадности, скупости, прожорливости;
- свирепости, проявления гнева, агрессии;
- голосовое поведение собаки ассоциируется со сквернословием, бранью, ссорой, сплетнями, пустословием;
- умственные способности животного – символ мудрости, большого ума, зрелости и опыта.

В третьем разделе второй главы рассматривается вопрос о проекции смыслов концептуальной метафоры «человек – это животное/зверь» и этнокультурной метафоры «человек – это собака» на ключевую текстовую метафору «собачье сердце». Характер повествования в повести Михаила Булгакова отражает специфическое внимание автора к слову, в том числе и к употреблению ключевых компонентов текста. Текст повести М. А. Булгакова рассматривается как сложный порождающийся механизм, включающий функциональное развертывание концептуальной метафоры «человек – это животное/зверь». В работе обосновывается, что данная модель выстраивает целую парадигму метафор, которые включены в процесс текстопорождения повести «Собачье сердце». Процесс текстопорождения

основан на поэтапном использовании автором нескольких операций: мыслительной операции, коммуникативной операции, текстовой операции, операции интерпретации.

В следующем разделе данной главы обосновывается мысль о том, что своеобразие повествования повести М. Булгакова «Собачье сердце» заключается, прежде всего, в действенном начале ключевой текстовой метафоры, которая является собственно интродукцией к повести, авторским вступлением в тему и которая получает дальнейшую, детальную интерпретацию в процессе порождения текста. Метафора «собачье сердце» обладает тектообразующей функцией в силу того, что она способна быть мотивированной, то есть быть объясненной и продолженной по мере развертывания целого текста повести. Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» является одним из семантических центров произведения М. Булгакова. Такая метафора обладает функциональной одноразовостью, она задана контекстом и задает его. Диалектика ключевой текстовой метафоры состоит в ее единичности и способности к моделированию. Чем неожиданнее метафорическая номинация, тем больше она будет испытывать потребность в соответствующем окружении, которое, будучи потенциально организованным как текст, сможет реализовать то, что заложено в метафоре.

Анализ смысловой структуры в следующем подразделе второй главы показывает, что ключевая текстовая метафора «собачье сердце» ведет себя не изолированно в пространстве текста, значительное количество последующих метафорических номинаций оказываются соотнесенными с ней. Функциональная нагрузка ключевой текстовой метафоры может быть сведена к нескольким положениям, при этом в качестве механизма соотнесения внутритекстового метафорического поля является связь его единиц через посредство базовых концептуальных метафор. Ключевая текстовая метафора обладает функциями:

- представления темы, выступает в качестве интродукции к тексту, формируя элементы общего фонда знаний коммуникантов;
- организации метафорических номинаций, является результатом синтагматического притягивания метафорических элементов, созданных под ее началом;
- текстопорождения и моделирования текстовой ситуации, проекция заглавия повести обуславливает яркую ее метафоричность, нуждающуюся в текстовом раскрытии.

Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» представлена в заголовке текста повести двумя компонентами: предикатом **собачье** и определяемым именем **сердце**.

В данном атрибутивном сочетании, компоненты которого в своем исходном значении отнесены к «центральному органу кровообращения, находящегося в левой стороне грудной клетки человека или животного» образуют метафорический образ «вместилища душевного мира, эмоций, чувств и переживаний» в результативном значении, проявленном в тексте повести.

В русской и европейской культурах вообще сердце метафорически именуется средоточие эмоциональной, душевной, иногда духовной жизни человека. Сердце метафорически предстает в виде сосуда, наполненного эмоциями, которые

«наполняют сердце»: *радость переполнила мое сердце, горечь наполнила мое сердце* и т. д. Сердце – мишень эмоциональных воздействий: *эта весть поразила меня в самое сердце* и под.

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что эмоции не могут быть выражены прямо, а языковые средства для их репрезентации в высшей степени метафоричны. Метафора представляется наиболее адекватной формой интерпретации внутреннего переживания человека.

Метафорический смысл лексемы *сердце* является реализацией концептуальной метафоры «органы человека – вместилища его эмоциональной, духовной, интеллектуальной жизни», и таким образом, можно констатировать, что текстовая реализация метафоры «собачье сердце» определяется проекцией смежного взаимодействия двух концептуальных метафор «человек – это животное/зверь» и «органы человека – вместилища его эмоциональной, духовной, интеллектуальной жизни».

В ключевой текстовой метафоре «собачье сердце» ведущее, организующее начало имеет первый элемент и вводимый им ассоциативный комплекс метафорического развития. Второй элемент репрезентирует направление аспектации метафорического развертывания в смысловом пространстве текста, создавая эффект смыслового сгущения, напряжения смыслов.

В следующем подразделе представлен анализ метафорических выражений повести с семантическим признаком «животного начала» в аспекте отражения понятий добра и зла.

Характеризуется моральное зло, физическое зло, что составляет одно из основных направлений формирования и развития текстового субфрейма. В метафорических номинациях текстового субфрейма, созданных под воздействием ключевой текстовой метафоры «собачье сердце» актуализируются семы «презренный», «мерзкий», «злой», что в свою очередь коррелирует с признаками базового образа концепта «собака». В тексте повести обнаруживается ориентационная связь образа собаки и человека: человек ассоциируется с пространством **верха**, собака ассоциируется с пространством **низа**.

М. Булгаков, руководствуясь объемом знаний, лежащих в основе концептуальной метафорической формулы «человек – это зверь» и этнокультурной метафоры «человек – это собака», выстраивает модель иерархических отношений человека и животного в пространстве мира. Разные категории людей мыслятся автором как объекты природного мироздания, зачастую низводясь до уровня животного, зверя. Актуализированными в таких метафорических номинациях становятся смыслы, отражающие типы поведения человека, этические и моральные нормы людей и общества в целом. Такие метафоры носят субъективную оценку, в них синтезируются и выдвигаются на первый план представления о характеризуемом объекте.

Моральное и физическое зло в повести исходит от самого человека, производится людьми определенного рода деятельности, определенной профессии.

Такое зло репрезентируется автором повести при помощи метафорических номинаций, сферой-источником которых становятся «животное», «собака».

Рождение коллизии происходит на столкновении глубинных символических смыслов, вводимых именем *собака*, называющим существо без души, и лексемой *сердце*, символического обозначения души. В этой метафорической номинации фокусируются смыслы внутренней семантической коллизии повести. Метафорическое развертывание текста повести основывается на введении всего спектра смыслов, репрезентируемых элементами фреймовых комплексов трех срезов метафорической реализации: концептуальной метафоры «человек – это животное/зверь», этнокультурной метафоры «человек – это собака» и ключевой текстовой метафоры «собачье сердце».

Наличие внутрифреймовых и межфреймовых связей базовых языковых метафор и ключевой текстовой метафоры обуславливает особое качество метафорического развития. Одна из доминант текстового функционирования метафор – репрезентация мира глазами собаки, через восприятие Шарика/Шарикова. В данных фрагментах текста выявляется особая концентрация метафор, связанных с ключевой текстовой. При этом введение одного компонента может актуализировать весь сложный комплекс смыслов, так, например, обозначение характера брани метафорической номинацией человека *вор с медной мордой* – есть способ отождествления человека и животного, способ актуализации онтологического «низа» его бытия. Метафорическая номинация *жадная тварь* служит средством выражения общей отрицательной оценки человека, отнесения его к сфере низменных проявлений. Признак «низменности, ничтожности» приносится в смысл метафорической номинации *гадина*, где реализуются признаки «мерзкого, отвратительного» человека, которые фиксируют его низкое положение в мироздании. Сферой проявления зла в данном случае служат морально-нравственные отношения людей. Люди, существа разумные, воспринимаются как субъекты, творящие произвол, уподобляются животным, которые руководствуются звериными инстинктами в отношениях друг к другу. Животные принадлежат к существам низшего порядка по сравнению с человеком, в силу этого, возникают стереотипные представления пространственного соотношения человека и животного – **человек** ассоциируется с **верхом**, а животное с **низом**.

Диалектика «собачьего сердца» проявляется при создании образа Преображенского, создаваемого на пересечении текстовых реализаций концептуальных метафор «человек – это человек», «человек – это высшее существо», «человек – это животное/зверь».

С одной стороны, Преображенский предстает в качестве эталона человеческой доброты, сознание автора обретает своего рода чувствительность к полюсу «доброты» и осмысляет человеческую доброту в терминах божественной сферы, осуществляя перемещение человека в высшее пространство всемогущего и всемирно покровительствующего Господа Бога – пространства верха, которое управляет всем миром. Образ недостижимости объекта мира создается метафорическими номинациями, которые формируются посредством признаков, извлекаемых из сферы физического и мифического мира (обладатель магической силы, имеющий связь с

потусторонним миром). *А вы сегодня завтракали, вы, величина мирового значения, благодаря мужским половым железам* (Булгаков. С.109). *Я вам одному, как светилу науки. Но клянусь – это такой ужас* (Булгаков С. 119). *Я знаю, кто это. Он – волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки* (Булгаков. С. 131). Оценка божественного слуги, который совершает жертвоприношения, «пропущенная» через актуализированный комплекс исходного значения существительного *жрец*, насыщает результативное смыслом опасных, насильственных воздействий, направленных на субъекта, включающих агрессивный эмоциональный фон, восходящий к образу собаки, как животному, которое наиболее открыто проявляет свой гнев. Сравните далее: высшее существо предстает в аспекте животного, звериного. *Филипп Филиппович полоснул второй раз, и тело Шарика вдвоем начали разрывать крючьями, ножницами, какими-то скобками. Филипп Филиппович ...отвалился от раны ...въялся ножницами в оболочки и вскрыл их... сипение вырвалось из его носа ... зверски оглянулся ... что-то промычал ...злобно заревел*

В следующем подразделе описываются атрибутивные сочетания, созданные под воздействием ключевой текстовой метафоры. В композиционную структуру повести входит значительный пласт неметафорических единиц, представляющих собой атрибутивные сочетания с одним из компонентов ключевой текстовой метафоры «собачье сердце», которые находятся на поверхности ткани текста и принимают участие в текстопорождении. Например, *собачий дух, уму собачьему непостижимо, собачьи слезы, собачья доля, собачье долготерпение, собачья сказка, собачий желудок, собачья голова, собачья нога, собачий мозг, собачий период жизни*, а также *песья шкура, песьи глаза, песьи череп*. Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» адаптируется в тексте повести и, реализовав свои потенциальные смыслы в одних метафорических номинациях, в других сочетаниях выразит себя в прямых значениях. Соседство прямых и переносных значений одного и того же элемента текста, его двуплановость способствуют лучшему восприятию и вычленению текстовой доминанты.

Повторы ключевых слов имеют особое значение для порождения текста, так как именно повторы одного и того же элемента текста, ключевого слова, создают лучшие условия для прагматической реализации семантической программы. Наличие текстовых однотипных ассоциаций, связанных с употреблением ключевого компонента текстовой метафоры, могут быть мотивированы присутствием ассоциативных смыслов, содержащихся в концепте «собака» в русской языковой картине мира.

Вместе с тем, наряду с данным коннотативным комплексом метафорические ряды служат поддержанием ассоциативного мифологического фона, вводимого посредством актуализации элементов мотивирующего концепта.

В текстовый субфрейм повести входят атрибутивные метафорические сочетания, порождаемые структурой ключевой текстовой метафоры «собачье сердце», которые направлены на изображение предметов внешнего мира через уподобление их признакам внешнего вида собаки при помощи использования единиц слота «внешний вид животного». Кроме того, ключевая текстовая метафора «собачье сердце»

мотивирует создание метафорических номинаций, в которых имплицитно не только образ собаки, но и природный мир в целом. Вокруг опорного слова *собачий* (*собачья*), употребляемого в значительном количестве метафорических номинаций группируются смысловые пучки, которые восходят к содержанию базового образа концепта «собака».

Таким образом, одним из текстовых средств реализации потенциала ключевой текстовой метафоры являются метафоры, созданные на основе внешнего структурного подобия, образованные как атрибутивные сочетания, и метафоры, образованные на основе внутреннего глубинного подобия, задаваемого столкновением в смысловом пространстве ключевой текстовой метафоры «собачье сердце» концептуально-образных и символических смыслов концептов «собака» и «сердце», соотносящиеся с разными комплексами архетипических смыслов.

В повести М.А. Булгакова хорошо прослеживаются два плана употребления одних и тех же текстовых единиц в прямом и переносном плане. Эти повторы создают параллели двух миров человеческого и природного, что, в свою очередь, составляет основу зеркальной композиции, при которой одна ситуация повторяет другую. Образ человека просматривается через сущность животного и, наоборот, животное начало через человеческую суть. Повторяющиеся существительные и глаголы, используемые автором повести то в прямом, то в переносном значении, становятся одним из основных средств текстообразования и объединения разных частей текста.

Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» организует метафорические контексты, что рассматривается в следующем подразделе второй главы. Некоторые метафорические выражения, созданные автором, обладают определенной степенью спаянности и репрезентируют целую метафорическую ситуацию. Такие метафорические выражения представлены в повести глаголами с семантикой действия, совершаемого собакой во время *приема пищи* и направлены на демонстрацию действий, совершаемых человеком. Например, *Ведь они же, мерзавцы, из вонючей солонины щи варят, а те бедняги, ничего и не знают. Бегут, жрут, лакают* (Булгаков. С. 106). Данный фрагмент внутренней речи Шарика – один из аспектов функциональной реализации метафорического строя повести: представление мира «в зеркале восприятия собаки». Действия людей характеризуются рядом однородных единиц, при этом только последняя единица в своем исходном значении обозначает действие, производимого собакой, – *лакать*. Лексемы *жрать*, *бежать* используются для обозначения действий людей. Но объединенные в узком контексте, они создают образ типичного поведения собаки, вводя весь ассоциативный фон концепта «собака», как сферы-источника для характеристики поведения человека.

Следующий раздел включает анализ метафорических единиц, посредством которых представлен предметный мир, бытовая обстановка, внешний облик людей. Центральный, обобщающий образ собаки дробится на серию своих подобий, отнесенных к более частным и конкретным проявлениям жизни. Ключевая текстовая метафора «собачье сердце» активизирует в ткани текста движение атрибутивных сочетаний, порождаемых ее собственной структурой. Метафорическая

маркированность текста, отнесенность его к концептуальному фрейму «собака» (слоту «внешний вид животного») проявляется в том, что внешний мир воспроизводится через такие единицы как, *лапа (лапчатая вилка), брюхо (брюхатый ножик), пузо (пузатая банка, пузатая двубокая дрянь), пасть (каменная пасть)*, а также внешнего вида других животных, к примеру, *ястребиные ноздри*. Через посредство этих метафор происходит контекстуальное расширение концептуальных моделей «человек – это животное/зверь» и «человек – это собака».

Последний подраздел данной главы представляет анализ комплекса перцептивных метафорических выражений, передаваемых ключевой текстовой метафорой «собачье сердце». В ряду перцептивных метафор, порождаемых в ассоциативном поле ключевой текстовой метафоры «собачье сердце», ведущее место занимают звукообразы.

Звуковые картинки повести Булгакова имеют следующие направления метафорического моделирования: выделяются метафорические единицы, связанные ассоциативной паутиной «животного начала», репрезентируемой звуковыми образами собаки.

Звучание собаки переносится на звучание артефактов, характеризует речь, голос человека (*лай грузовика, пролаял Шариков, яростно и визгливо спросил Филипп Филиппович*).

Текстовый субфрейм распадается на три подвида, так как автор в процессе порождения текста создает новую виртуальную реальность, основываясь на прошлом языковом опыте. В повести Булгакова ассоциативная связь «человек – это животное/зверь» разрывается и заменяется противоположной «животное/зверь – это человек». Автор повести описывает три стадии жизни собаки: 1. собака в облике собаки; 2. собака в облике формирующегося человека; 3. возвращение к своему первоначальному облику собаки. Особый интерес представляют здесь единицы, характеризующие «превращение собаки в человека». Образ нового человека, создаваемый автором повести воспринимается через призму действий собаки (преимущественно голосовых). С этой целью автор повести извлекает из концептуального фрейма «собака» (слот действия животного) единицы, которые описывают голосовое поведение собаки, и использует их в аспекте рассмотрения проявления человеком отрицательных эмоций: гнева, агрессии. К примеру, *Человек, казнив блоху, отошел и сел на стул* (Булгаков. С. 153). *Затушив папиросу, он на ходу лягнул зубами и сунул нос под мышку* (Булгаков. С. 153). *Разве я просил мне операцию делать? – человек возмущенно лаял* (Булгаков. С. 152). Система звукообразов повести выявляет наличие внутритекстовой связи базовой концептуальной метафоры «человек – это животное/зверь» и ориентационных метафор «верх – это хорошо», «низ – это плохо». На этом основании в поле текстовой реализации КТМ втягиваются метафорические единицы, характеризующие поведение человека через призму пространственного архетипа «**верх – низ**». Приведем пример текстового фрагмента:

- *Ничего похожего!* – *громовым голосом* ответил Филипп Филипповичи *налил стакан вина. – Гм...я не признаю ликеров после обеда: они тяжелят и скверно*

действуют на печень...(Булгаков. С. 128). Образ грома аспектуализирует в метафорической номинации семантические признаки звука, по акустическим параметрам хорошо воспроизводимого и воспринимаемого, распространяющегося по всему пространству **верха**, нисходящего по шкале вертикальной оси в пространство низа. Несмотря на звуковые параметры, подобный голос в контексте повести связывается не только с пространством верха, но и диалектически – одновременно и **низа**. Подобный голос воспринимается отрицательно, а его обладатель как субъект, пребывающий в состоянии эмоционального беспокойства, агрессии, гнева. Данный факт подтверждается еще рядом примеров звукового образа, находящегося в пространстве **верха**. Отметим следующие контексты:

Набравшись сил после сытного обеда, гремел он подобно древнему пророку, и голова его сверкала серебром (Булгаков. С. 130). - *Шарику ничего не давать, - загремела команда из смотровой* (Булгаков. С. 136). Звучание в данных контекстах связывается со смыслом еды, насыщения, что служит средством столкновения архетипических полюсов.

В третьей главе «Роль ключевой текстовой метафоры в повести М.А. Булгакова при моделировании процесса перевода» представлен обзор основных переводческих направлений, исследующих метафору в качестве анализируемого объекта. Вслед за А.Д. Швейцером, который определяет перевод как процесс поиска решения, определяемого во многом функциональными доминантами текста, в работе рассматривается функционирование текстовой доминанты – ключевой текстовой метафоры, с помощью которой автор повести ведет диалог с читателем.

В работе принимаются во внимание позиции когнитивного подхода к исследованию метафоры в переводе. Одной из таких позиций является учет культурного компонента, лежащего в основе концептуальной метафоры, который позволяет увидеть различия в том, как в разных культурах структурируется опыт человека. Гипотеза когнитивистов по переводу метафоры основывается на двух сценариях:

- если проецирование из одной области в другую в метафорах схожи в двух языках, то между языками не обнаруживается «концептуального сдвига» (conceptual shift);
- если проецирование из одной области в другую в метафорах различны в двух языках, то между языками наблюдается наличие «концептуального сдвига» (conceptual shift) [Maldelblit, 1995; Deignan, Garbrys & Solska's, 1997].

Метафорические единицы также рассматриваются в аспекте эквивалентности их перевода на английский язык.

В работе обосновывается мысль о том, что художественный перевод повести порождается подлинником, а значит, всеми «ключевыми точками» оригинального текста, соотносимыми с их культурной маркированностью и значимостью. Моделирование текста перевода происходит через сопоставление и противопоставление ключевых компонентов текста, которые способствуют порождению текста оригинала.

При моделировании текста перевода переводчик повести «Собачье сердце» выступает как интерпретатор концептуальной информации и программы, которая заложена в основу текста и в значительной своей части восходит к двум концептуальным метафорическим моделям: «человек – это животное/зверь», «человек – это собака»; выступает как соавтор той семантической программы, которая заложена в основу ключевых моментов текста, в том числе и в основу ключевой текстовой метафоры «собачье сердце».

В анализируемой повести «Собачье сердце» за единицу перевода принимается любое метафорическое выражение, созданное под влиянием текстовой доминанты – ключевой текстовой метафоры «собачье сердце», направленной на реализацию определенной семантической программы, выдвигающей признак «животного начала» в метафорах на первый план. В данной главе рассматриваются две взаимосвязанные задачи. Во-первых, анализируются и сопоставляются в двух текстах перевода метафорические выражения, созданные на основе столкновения концептов «собака» и «сердце» в пространстве ключевой текстовой метафоры. Во-вторых, учитывается фактор реализации в текстах переводов концептуальной метафорической модели «человек – это животное/зверь» для определения наличия или отсутствия концептуального сдвига между текстами оригинала и перевода.

Прежде всего, в работе анализируется перевод группы метафорических выражений повести с семантическим признаком «животного начала» в аспекте отражения понятия зла. Метафорические единицы, связанные с отражением понятия зла в исходном тексте, являются бранными номинациями, например, *гадина*, *жадная тварь*, *вор с медной мордой*. Перевод таких метафорических единиц сводится к нахождению традиционных бранных номинаций, существующих в языке-реципиенте. Так, в следующем примере метафорическая единица исходного текста *гадина* заменяется в двух переводах на метафорическую единицу *свинья*, в которой аспектуализируются отрицательные смыслы “непристойности, подлости, нечистоплотности”. Кроме того, метафорическая единица *свинья* является наиболее употребительным инвективным выражением в языках европейского стандарта. Таким образом, метафорическая единица *свинья* выступает в переводах «субститутом равной функциональной пригодности» в языке-реципиенте и не является чуждым для носителей другого языка, а также соотносится с основным семантическим направлением ключевой текстовой метафоры «собачье сердце», репрезентируемым компонентом «собачье».

В работе рассматриваются возможности перевода авторской метафоры в контексте большой протяженности, которые сводятся к использованию переводчиками следующих приемов: 1) передача метафорической единицы с учетом семантической направленности текста повести; 2) передача метафорической единицы сравнением; 3) расшифровка номинативного смысла метафорической единицы. Рассмотрим примеры:

Живот был выстрижен, и теперь доктор Борменталь, тяжело дыша и спеша, машинкой въедаясь в шерсть, стриг голову Шарика (Булгаков. С. 138).

- ❖ His stomach was shaven and now Doctor Bormenthal, breathing heavily, was hurriedly *shaving Sharik's head with clippers that ate through his fur* (букв. выстригая голову Шарика ножницами, которые въедались в шерсть) [Michael Glenny 1989: 53].
- ✓ His stomach had been shaved and now Dr. Bormental, breathing heavily and hurrying, *eating away the hair with his clippers*, was clipping Sharik's head (букв. съедая шерсть ножницами) [Avril Pyman 1990: 237].

Авторская метафорическая единица в данном контексте содержит актуализированный признак «животного начала», основанный на восприятии традиционного образа собаки во время приема пищи. В данном случае актуализируются дополнительные оценочные признаки поведения животного, собаки во время приема пищи: ее жадность, ненасытность, злость, выделенные во фреймовой структуре концепта «собака». Следуя принципу соавторства порождения и интерпретации текста, оба переводчика воссоздают образ животного, собаки в переводе. Семантический признак «животного начала» сохранен и передан в обоих переводах, таким образом, мы можем говорить о достижении переводчиками семантической эквивалентности при передаче данного метафорического выражения повести на английский язык. При этом отмечается отсутствие концептуального сдвига между оригинальным текстом повести «Собачье сердце» и его переводами.

Сохранение образного строя повести, смыслового сдвига может достигаться за счет использования других выразительных средств, в частности, сравнения. Перевод метафоры сравнением считается самым простым способом достижения эквивалентности, так как в основе любой метафоры лежит косвенное сравнение. Кроме того, в анализируемом нами контексте, метафоре, переданной глаголом с наречием, эквивалентом сможет послужить только сравнительный оборот.

Борменталь набросился хищно, стал комыями марли давить Шарикову рану, затем маленькими, как бы сахарными щипчиками зажал ее края, и она высохла (Булгаков. С. 139).

- ❖ Bormenthal *swooped like a vulture*, began dabbing Sharik's wound with swabs of gauze, then gripped its edges with a row of little clamps like sugar-tongs, and the bleeding stopped (букв. налетел как хищник/гриф) [Michael Glenny 1989: 54].
- ✓ Bormental *pounced like a predator* and began pressing on Sharik's wound with swabs of gauze, then, using small pincers not unlike sugar tongs, pressed the edges together and it dried up (букв. набросился как хищник) [Avril Pyman 1990: 239].

Использование сравнения не требует от переводчиков употребления одних и тех же лексических компонентов в его составе. Поэтому, по-разному воспринимая образ хищника, переводчики используют в переводах разные лексические единицы. Это замечание, в первую очередь, касается переводов Майкла Гленни, в которых вносятся новые ассоциации в контекст перевода повести, отождествляя образ хищного животного с образом хищной птицы.

Следующая часть третьей главы посвящена рассмотрению перевода метафорических единиц, представляющих лексический повтор в повести. При интерпретации переводчиками метафорических единиц, компоненты которых

повторяются в тексте не всегда можно наблюдать «считывание» той семантической программы, которая заложена в основу оригинального текста. Рассмотрим пример:

Потом пилой невиданного фасона, всунув ее хвост в первую дырочку, начал пилить, как выпиливают дамский рукодельный ящик (Булгаков. С. 140).

- ❖ Then with *a saw of the most curious design he put its point into* the first hole and began sawing through the skull as though he were making a lady's fretwork sewing-basket. (букв. пилой интересного дизайна, всунув ее острие) [Michael Glenny 1989: 55].
- ✓ Then with of *a curiously-shaped saw, the tail of* which he inserted into the hole, he began to saw... (букв. пилой интересной формы, хвост которой...) [Avril Pyman 1990: 240].

В переводе, выполненном Аврил Пайман, переводчица стремится передать ассоциативную связь и образный смысл метафоры *хвост пилы* путем сохранения всех сем, содержащихся в исходной метафорической единице. В переводе, выполненном Майклом Гленни, переводчик снимает метафору и расшифровывает ее номинативный смысл, заменив *хвост* (tail) на *кончик/острие* (point).

В следующей части третьей главы анализируются атрибутивные сочетания, порождаемые структурой ключевой текстовой метафоры «собачье сердце», которые представляют собой авторские метафоры, основанные на использовании языковых единиц концептуального фрейма «собака». Наиболее адекватным переводом атрибутивных метафорических сочетаний можно считать перевод, выполненный Аврил Пайман, которая наиболее часто использует прием полного перевода авторской метафоры, сохраняя не только все семантические компоненты метафорического выражения, но и связь с текстовой доминантой, обнаруживая распознавание ее текстомоделирующего потенциала. Данный факт свидетельствует, в свою очередь, об отсутствии концептуального сдвига между текстом оригинала и перевода.

Рассмотрим следующий пример: *Вечером потухла каменная пасть в окне над половинной занавесочкой стояла густая и важная пречистенская ночь с одинокой звездой* (Булгаков. С. 134).

- ❖ In the evening *the fiery furnace* subsided and above the curtain half-way up the kitchen window hung the dense, ominous night sky of Prechistenka Street with its single star (букв. огненная печь) [Michael Glenny 1989: 47].
- ✓ In the evening *the graping stone jaws* lost their fire and in the window of the kitchen above the white half-curtain, there was a glimpse of the dense and solemn Prechistenka Street with a single star (букв. широко раскрытые каменные челюсти) [Avril Pyman 1990: 232].

Для передачи семантической эквивалентности перевода необходимы трансформационные операции, которые влекут за собой модификации семантической структуры высказывания, основной причиной которых становится избирательность языка по отношению к явлениям внеязыкового мира. Метафорическое выражение *каменная пасть* употребляется для обозначения печи. Автор текста подлинника сравнивает ее с пастью зверя и соотносит с атрибутом ада, что характеризует

метафорическое выражение как включающее культурно-специфичную компоненту. В переводе, выполненном Майклом Гленни, метафорическое выражение *каменная пасть*, заменяется на атрибутивное сочетание *огненная печь*. Переводчик в данном случае использует замену образа, он «снимает» метафору и раскрывает ее номинативный смысл. Во втором переводе, выполненном Аврил Пайман, переводчик стремится к сохранению всех сем, содержащихся в исходной метафорической единице, сравните: *каменная пасть* = stone jaws. Переводчик пропускает художественную действительность оригинала «через себя», аналогично тому, как это делает автор с действительностью реальной, а также устанавливает диалог с автором и его культурой. Однако, нужно сказать, что переводчик видит перед собой мир уже отраженным, выбор отражаемого участка знания осуществлен, и поэтому задача переводчика усматривается в нахождении релевантных знаний для передачи авторской метафоры.

Анализ рассмотрения переводов метафорических выражений, связанных с изображением образа Шарикова, представлен в следующем разделе третьей главы. Данная группа метафорических единиц получает наиболее адекватную интерпретацию переводах. Анализируется группа метафорических единиц, отражающих речевое поведение человека через голосовое проявление собаки. Оба переводчика эксплицируют данный факт и осуществляют перевод на уровне «метафора – метафора», употребляя лексический эквивалент языка-реципиента, тем самым, достигая семантической эквивалентности. Например,

Разве я просил мне операцию делать? – человек возмущенно лаял (Булгаков. С. 152).

❖ “I didn’t ask you to do the operation, did I?” – *the man barked indignantly*. (букв. человек лаял возмущенно) [Michael Glenny 1989: 74].

✓ “Did I ask you to have this operation?” *The man’s voice rose to an indignant bark*. (букв. человеческий голос превратился в негодующий лай) [Avril Pyman 1990: 255].

В **заключении** делаются выводы и теоретические обобщения исследуемого материала. Художественный текст М.А. Булгакова «Собачье сердце» представляет собой реализацию метафорической модели «человек – это животное/зверь». Помещаясь в текстовую ткань художественного произведения, базовая метафорическая модель, проецируя свои потенции на ключевую текстовую метафору, организует метафорический сдвиг значительной части текста повести. Метафорические единицы существуют в тексте не изолировано друг от друга, а формируются во фреймовую структуру, где все компоненты связаны «ассоциативной паутиной», направленной на концептуальную языковую модель. Ключевая текстовая метафора, помещенная в заглавие произведения, является функциональной доминантой, которая способствует конструированию и выстраиванию смысла текста. Английские соответствия метафорических единиц в двух переводах выступают дополнительным средством демонстрации функционирования ключевой текстовой метафоры в тексте повести.

По теме диссертации опубликованы следующие работы, в которых отражены основные результаты исследования:

1. Маругина Н.И. Языковая метафора в художественном тексте: к проблеме перевода (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: материалы II Межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск, ТПУ, 2002. – С. 105-108.
2. Маругина Н.И. Ключевая метафора в художественном тексте: к проблеме перевода (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Прикладная филология: Язык. Текст. Коммуникация. – Томск, ТПУ, 2002. – С. 120-123.
3. Маругина Н.И. Ключевая текстовая метафора – механизм моделирования авторской картины мира: к проблеме перевода (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Миромоделирование в языке и тексте. – Томск, ТГУ, 2003. – С. 117-123.
4. Маругина Н.И. Ключевая текстовая метафора – механизм порождения художественного текста (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце») // Язык и культура в Евразийском пространстве: Сборник научных статей XVI Международной научной конференции. –Томск, ТГУ, 2003. – С. 208-212.
5. Маругина Н.И. Ключевая текстовая метафора – модель, организующая текстовый субфрейм» (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык и ее переводов на английский язык) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики - Вып. 5. – Ч. 2: Лингвистика. – Томск: Издание ТГУ, 2004. – С. 83-86.
6. Маругина Н.И. Метафора как один из факторов отражения этнокультурной специфики: к проблеме перевода» (на материале повести Михаила Булгакова «Собачье сердце») // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений а интерпретационной деятельности: материалы Пярых Филологических чтений (20-22 октября 2004). – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. – Ч. II – С. 150-156.
7. Маругина Н.И. Теория концептуальной метафоры в текстологических исследованиях // Американские исследования в Сибири. – Вып. 8. Материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири», Томск, 12 – 14 окт. 2004г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 210-215.